

Однако уголки его губ, предательски поползшие вверх, выдали охватившее его воодушевление.

— Зрелость? — Янь посмотрел на него с полуулыбкой и поддразнил: — А кто вчера кис, словно выпил целую бочку уксуса?

— ...Кхе-кхе! — Он решил, что об этом лучше не упоминать. Собравшись с мыслями, он нарочито грубо сменил тему: — Не стоит тебе идти в парадный зал в одиночку. Старик наказал тех нескольких, и у третьего дяди вряд ли возникнут претензии, но второй дядя наверняка останется недоволен. Я попрошу няню принести завтрак сюда. Поешь, а потом приляжешь отдохнуть со мной?

Янь бросил на него взгляд, но не стал разоблачать его маленькую хитрость, лишь кивнул:

— Я схожу прогуляюсь по двору.

Солнце только поднялось, заливая весь двор золотистыми лучами.

Янь выехал из комнаты на инвалидном кресле. Пороги в домах с внутренним двором почти везде высокие, и лишь в комнате Шэнь Ланьшу было сделано исключение, что лишний раз доказывало: он и дома не упускал случая поленившись, передвигаясь на коляске.

Комната Шэнь Ланьшу располагалась во флигеле, и вчера в темноте Янь не успел всё рассмотреть, а сейчас заметил, что во дворе посажено много гранатовых деревьев.

Гранат символизирует многочисленное потомство.

Сейчас как раз был период появления бутонов, и маленькие цветочные почки на ветках, освещенные утренним светом, напоминали крошечные красные фонарики. Пока он любовался ими, общаясь с Системой, до его слуха донеслись уверенные шаги.

Повернув голову, он увидел высокую фигуру в бело-голубой полосатой одежде, выбежавшую из тени у ворот. Утренний свет озарил половину её лица, слегка влажного — видимо, она только что вернулась с пробежки.

— Невестка?

Шэнь Цзянмянь с короткой стрижкой до ушей, увидев его, слегка запыхалась, подошла и поздоровалась:

— Вы уже завтракали?

Это обращение невестка заставило Яня мгновенно сменить выражение лица.

Нужно знать, что старик изначально планировал их помолвку. Глядя на Шэнь Цзянмянь, которая выглядела совершенно спокойной и ничуть не смущенной, он кое-что осознал и спросил:

— Мисс Шэнь давно знала о моих отношениях с вашим братом?

Шэнь Цзянмянь, не меняясь в лице, наклонила голову и несколько секунд смотрела на него, а затем, не отрицая, неожиданно произнесла:

— Простите.

Это извинение, как и прозвучавшее ранее невестка, застало Яня врасплох.

Он моргнул, недоуменно глядя на неё в ожидании объяснений.

— Я не знала, что мои кузены доставляли вам неприятности.

Она была очень красива — той особой красотой, в которой чувствовалась внутренняя сила. На первый взгляд казалась холодной, но, увидев отца Шэнь, можно было заметить поразительное сходство — даже характеры у них были похожи.

Говоря это, она невольно нахмурилась, а в её глазах отразилось сложное чувство:

— В любом случае, они задирали вас из-за меня. Прощать их или нет — ваше дело, я извиняюсь лишь для того, чтобы выразить свою позицию. Я заранее об этом не знала.

Будучи единственной девочкой в семье, она была всеобщей любимицей. В детстве ей, возможно, нравилось это внимание, особенно со стороны двоюродных братьев, которые относились к ней даже лучше, чем родной брат. Но повзрослев, она вдруг обнаружила, что рядом нет ни одного друга, с которым можно было бы поговорить по душам.

Вникнув в суть, она поняла, что братья под предлогом заботы о ней отвадили всех её друзей, считая их неблагонадежными.

Янь кое-что знал о Шэнь Цзянмянь из сюжета. В детстве она была очень жизнерадостным ребенком.

Лишь первая любовь в старшей школе, которая закончилась ничем, заставила её осознать, что опека братьев перешла все границы. С тех пор она стала редко улыбаться и даже при выборе

вуза не стала советоваться с родными, а сама поступила в Университет национальной обороны.

В этом она была похожа на Шэнь Ланьшу, который втайне ушел в отставку. Оба они, определившись с целью, твердо следовали своему выбору.

Поэтому у Яня не было желания винить её:

— Это не имеет к вам отношения. Ваши четверо кузенов в лучшем случае лишь попытались навредить, но не причинили мне реального ущерба, к тому же сейчас они уже наказаны дедушкой Шэнем и стоят на коленях в храме предков.

Услышав это, Шэнь Цзянмянь слегка улыбнулась:

— Я иду завтракать в парадный зал, не хотите составить компанию?

— ...Нет, спасибо, мне скоро принесут еду сюда.

— Вот как... — Она задумчиво сунула руки в карманы, а помолчав, добавила: — Тогда не возражаете, если я присоединюсь?

— Не возражаю.

— Возражает!

Два голоса, один тихий, другой громкий, прозвучали одновременно.

Шэнь Цзянмянь посмотрела за спину Яня, тот обернулся и увидел Шэнь Ланьшу. С его мокрых волос капала вода, сам он был завернут в белый банный халат, небрежно накинутый на плечи.

Распахнутый халат открывал вид на мощный торс и рельефный пресс. Капли воды стекали по его лицу, чертили дорожки по крепкой груди и собирались в ложбинке, исчезая где-то в глубине. Увидев эту картину, Янь мысленно хмыкнул.

Ну и кто там говорил, что зрелые мужчины ведут себя подобающе?

Это едва уловимое хвастовство — не ответ ли на его недавнее замечание о кризисе среднего возраста?

Инфантильно!

Янь отвел взгляд.

Шэнь Ланьшу, заметив это, скрестил руки на груди и слегка усмехнулся:

— Имея хоть каплю сообразительности, стоило бы понять, что не стоит вставать между двух огней.

— Пф.

В глазах Шэнь Цзянмянь промелькнуло редкое для неё выражение пренебрежения:

— Я так и знала, что у тебя был скрытый умысел, когда ты убеждал дедушку позволить тебе остаться в городе Жун.

Сказав это, она бросила взгляд на Яня.

Затем развернулась и, уходя, махнула рукой:

— Невестка, если тебе надоест этот старый хрыч, дай знать. Я познакомлю тебя с десятком молодых красавчиков, уверяю, они ни в чем не уступят моему брату.

— Шэнь Цзянмянь!

Через несколько секунд по всему флигелю разнесся яростный крик:

— Ты нарываешься на неприятности?

Ответом Шэнь Ланьшу стал громкий хлопок закрывшейся двери.

У него дернулась вена на виске:

— Вот же несносная девчонка!

Янь развернул кресло и увидел, что Шэнь Ланьшу почернел от злости, и невольно приснул со смеху. В сюжете оставалась Шэнь Цзянмянь, и он никак не ожидал, что его место займет Шэнь Ланьшу.

— Ты еще смеешься!

Шэнь Ланьшу подскочил к нему и с недовольным видом вкатил его обратно в комнату:

— Меньше общайся с этой несносной девчонкой, еще научит тебя плохому.

— Она твоя сестра, — заметил Янь.

— Теперь уже нет. Кто посмеет посягнуть на моё — тот мой враг, даже если это родная сестра.

Десяток красавчиков, надо же!

Он мысленно усмехнулся. Думает, раз устроилась на работу, так крылья расправила? Еще приползет и плакать будет.

Янь не стал спорить с человеком, который был не в духе:

— Иди переодейся, я пойду помою руки, завтрак скоро принесут.

Сказав это, он сам направился в ванную. Помыв руки, он вспомнил кое-что и подкатил кресло к корзине для грязного белья.

Красный конверт, который дала мама Шэнь, он положил в карман брюк.

Утром он их снял и бросил в корзину, а теперь, увидев сверху вещи Шэнь Ланьшу, начал перекладывать их, чтобы добраться до своих.

Когда он поднял брюки, из кармана что-то выпало и упало прямо ему на колени.

Он опустил взгляд и замер: синяя коробочка с надписью «Премиум ультратонкие, нулевая дистанция» заставила его глубоко задуматься.

В дверь постучали.

Принесли завтрак из кухни: свежие пельмени с бульоном, хрустящие лепешки, золотистые жареные палочки из теста, цельная колбаса, домашнее соевое молоко. Еды было немного, но вполне достаточно для двух взрослых мужчин.

Шэнь Ланьшу расставил еду на столе и посмотрел в сторону ванной.

Сказал, что идет мыть руки, но прошло немало времени, а звуков не было. Нахмурившись от беспокойства, он поднялся и пошел проверить.

Воздух в ванной еще не успел остыть. В ослепительно белом свете витал аромат геля для душа. Юноша, который вызвал у него тревогу, сидел в кресле спиной к двери и не шевелился. Шэнь Ланьшу сначала замер, а затем сделал шаг вперед, оказавшись за спиной у Яня:

— Почему ты застыл перед корзиной для грязного...

Слово «белья» застряло у него в горле, когда боковым зрением он заметил синюю коробочку.

Янь наклонился, поднял упаковку, а затем достал из кармана конверт.

Конверт был тонким, и по одному прикосновению пальцев можно было понять, что внутри.

Он вскрыл его прямо на месте — внутри оказалась карта. За одну ночь и утро он получил уже две.

Это заставило его вспомнить те дни, когда он только попал в этот мир и был озабочен нехваткой денег. Невольно он подумал: неужели правда, что многие в сети мечтают не работать? Стоит только понравиться Шэнь Ланьшу, как мама Шэнь при встрече тут же вручает карту.

Да еще и ежемесячные карманные деньги... Если бы ему не предстояло пройти через другие миры, он бы и сам не хотел напрягаться.

Пока он предавался этим мыслям, над головой раздался хриплый голос:

— Если я скажу, что это подсунул мне отец, ты согласишься?

— Что за отец...

На середине фразы Янь внезапно осознал, о чем речь, и равнодушно произнес: «О».

Шэнь Ланьшу не понял, поверил он или нет, но решил продолжить объяснения:

— Вчера вечером у нас с тобой чуть не случилось... мой отец, как человек опытный, сразу всё понял...

— Твой отец среди ночи пошел к бабушке, прихватив с собой презервативы? — Янь перебил его, поднял голову и посмотрел с полуулыбкой: — Дядя Шэнь довольно прогрессивный человек.

— ... — Он ведь сказал чистую правду, почему же возникло ощущение, что он только всё запутал?

Шэнь Ланьшу потер лицо, развернул кресло и вышел из ванной, «признав»:

— Ладно, это я купил в магазине, когда ходил ловить кузенов.

Янь уловил аромат завтрака, доносившийся со стола, и решил не спорить:

— Знала же, что ты не из тех, кто ведет себя прилично.

Еще и «Премиум ультратонкие, нулевая дистанция»! Пф!

— ... — Сначала кризис среднего возраста, теперь еще и клеймо «неприличного человека»?

Шэнь Ланьшу чувствовал, что его обвиняют несправедливо. Если не считать вчерашней потери контроля, обычно он позволял себе лишь мелочи, о большем лишь мечтал в душе, но не решался воплотить.

Во-первых, из уважения.

Во-вторых, хотя он и не хотел признавать, но факт оставался фактом: он вышел из того возраста, когда гормоны бьют через край. Сейчас он хотел, чтобы их союз был единством тела и души, а не просто удовлетворением физиологических потребностей.

Поэтому, чтобы оправдать «новое клеймо», он подхватил Яня на руки, реализуя свои законные права парня.

Вкусный завтрак на столе исходил паром, но к нему никто не притронулся.

Когда о нем вспомнили, прошло уже два часа.

Шэнь Ланьшу, сполна ощутивший, что значит «нулевая дистанция», вынес из ванной совершенно довольного Яня.

Увидев, что завтрак на столе остыл, он нахмурился.

— Голодный? — спросил он, глядя на человека у себя на руках.

Тот полуприкрыл веки, его бледное лицо сейчас пылало румянцем. В глазах, покрасневших от

зевоты, застыла усталость, а уголки глаз всё еще хранили следы недавней страсти, напоминая бутоны граната за окном. Это манило и одновременно приносило странное чувство удовлетворения.

— Голодный.

Янь, пребывая в полусонном состоянии, даже не осознавая, насколько он сейчас соблазнителен, лениво протянул:

— Но в это время на кухне, наверное, уже готовят обед?

Шэнь Ланьшу не сводил с него глаз.

Эта зависимость, которую он сам вызвал, дарила ему невероятное чувство удовлетворения. Его сердце было переполнено до краев. Его взгляд смягчился, а голос стал невообразимо нежным:

— До обеда еще есть время. Давай я отвезу тебя поесть куда-нибудь, м?

Янь тихо ответил: «М».

Вдруг он что-то вспомнил и приоткрыл глаза:

— Твои ноги позволяют тебе сесть за руль?

— ... — Шэнь Ланьшу стиснул зубы: — Я попрошу Ли Сэня приехать и отвезти нас.

Ему хотелось проявить упрямство, но он не мог позволить любимому человеку рискнуть хоть на йоту. В конце концов, после отставки он забросил тренировки, иначе как объяснить, что после двух часов он даже машину водить не в состоянии?

Они ушли, оставив после себя лишь кучу проблем для четырех братьев Шэнь.

Те простояли на коленях всё утро, и когда сил совсем не осталось, отправили близнецов во флигель просить Яня о заступничестве. Но там уже никого не было. В итоге им пришлось стоять на коленях до самого отъезда из старого особняка.

Они думали, что на этом всё закончится.

Но наступил май, время начисления карманных денег. Шестой брат, посчитав, что на Первомай будет три выходных, решил отвезти сослуживцев в Киото развлечься. Из всех четверых именно шестой тратил деньги быстрее всех.

В части у него были строгие ограничения, а по субботам он обязан был обедать в особняке, поэтому каждый праздник он старался компенсировать братьям отсутствие, устраивая им кутеж.

Еда, выпивка, отели — он оплачивал всё, поэтому деньги улетали моментально.

В этот раз всё было так же. Отель, лучший ресторан, а вечером — огромный VIP-зал в клубе: вино, закуски, девочки — официанты едва успевали обслуживать.

Когда пришло время расплачиваться, официант вежливо попросил его воспользоваться другой картой, и шестой замер в недоумении.

Он не был в этом клубе три месяца. На карте, за вычетом суммы, которую он одолжил четвертому брату, и с учетом свежих карманных денег, должно было оставаться около миллиона. Как её могло не хватить?

Второй брат, которому позвонили среди ночи, чтобы он вытащил брата из клуба, подумал, не в праздниках ли дело — может, в банке тоже выходной?

Если так, то у него самого не было денег, чтобы помочь — он был фанатом коллекционных фигурок, и две трети его карманных денег уходило жене, а остальное он тратил на свои нужды.

Он позвонил третьему. Тот был заядлым игроком, содержал гильдию, и 500 тысяч, вложенные в игру, не принесли даже ряби на воде. Он перевел звонок на четвертого.

А четвертый в это время спал в президентском люксе пятизвездочного отеля с невестой, отключив телефон.

Третий, не дождавшись ответа, отправил сообщение и вернулся к игре.

Шестой, застрявший в клубе, отправил сослуживцев в отель, а сам лег на диван в холле ждать помощи. Но проснувшись, он так никого и не дождался. В конце концов, под суровыми взглядами охраны он решился позвонить старшему брату.

А его старший брат, Шэнь Ланьшу, получив сообщение, которое пришло Яню, был занят тем, что «выжимал» из него всё до последней капли.

Телефон давно валялся где-то в углу.

Шэнь Ланьшу не обратил внимания на звонок, будучи поглощенным своим делом. Когда он наконец обессилел, уже светало. Он принял с Янем душ и лег спать.

Он уже почти провалился в сон, но вдруг вспомнил то сообщение, и его словно током ударило: этот Цзи, приехавший в Киото, явно замышляет недоброе.

Янь, который просто лежал, не чувствовал усталости. Почувствовав, что дыхание рядом участилось, он открыл глаза:

— Если не спишь, иди в свою комнату. Не мешай мне спать, иначе я не встану к обеду, чтобы встретить человека в аэропорту.

В темноте его спокойный голос достиг раздраженного Шэнь Ланьшу. Тот замер, а затем крепче прижал его к себе:

— Спи, я не буду мешать.

Друг детства!

Он опасался не дружбы, а того, какой вес Цзи Синье имел в сердце его парня. Ведь даже на свидания тот умудрялся навязываться третьим лишним.

Но в конечном счете, всё из-за того, что из-за Цзи Синье его парень лишился возможности ходить. Если бы Цзи не тянул его за собой, кто бы стал лезть в чужие отношения?

Раньше Шэнь Ланьшу не придавал значения тому, почему его парень принял его.

Впереди еще много времени, чувства можно воспитать. Он был уверен, что сможет постепенно вытеснить этого Цзи из сердца Яня. Но он переоценил себя и недооценил человеческую жадность.

Чем больше любишь, тем большего хочется.

С этой мыслью он закрыл глаза, подавляя ревность, и прислушался к ровному дыханию Яня. Вдруг он беззвучно усмехнулся: раз тот так быстро уснул и не вызывает волнения от приезда старого друга, значит, ему уже не так важен этот Цзи?

Эта мысль принесла облегчение.

Напряжение спало, и сон наконец накрыл его.

Но спал он беспокойно: ему снилось, что парень убегает с этим Цзи. Он бросался в погоню, оступался и просыпался в холодном поту.

Открыв глаза, он первым делом смотрел на Яня.

Тот спал безмятежно, даже не шелохнувшись от его резких движений во сне. Шэнь Ланьшу вытирал пот со лба, прижимался к теплему телу и облегченно вздыхал.

В отличие от него, Янь проспал до самого обеда.

Проснувшись, он не обнаружил рядом Шэнь Ланьшу. Решив, что еще рано, он направился к умывальнику. Подняв руку, чтобы нажать на кран, он заметил на пальце ярко-красный блеск. Янь замер и поднял левую руку: на среднем пальце красовалось кольцо с красным бриллиантом.

Чистота и сияние камня напомнили ему о том самом бриллианте с аукциона.

Глядя на него, он вдруг улыбнулся.

С того момента, как вчера вечером пришло сообщение от Цзи Синъе, Шэнь Ланьшу пребывал в тревоге. За полмесяца отношений они не были неразлучны, как обычные пары.

Янь использовал карманные деньги и черную карту, полученные от семьи Шэнь, в качестве стартового капитала для своей команды, уже арендовал офис и занимался подбором персонала. Поэтому он совершенно не понимал, о чем так беспокоится Шэнь Ланьшу.

Его дело только начиналось, и даже если бы Цзян Цинъянь был здесь, он бы точно не бросил всё ради Цзи Синъе.

<http://bllate.org/book/19897/1958734>